

А.А.ЗЕРЧАНИНОВ, Д.Я.РАЙХИН

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

УЧЕБНИК ДЛЯ 9 КЛАССА
СРЕДНЕЙ ШКОЛЫ

УЧПЕДГИЗ • 1961

А.А.ЗЕРЧАНИНОВ, Д.Я.РАЙХИН

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

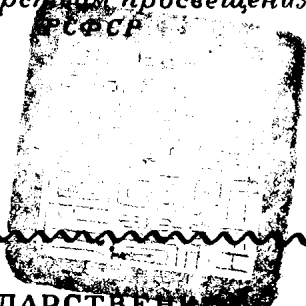

УЧЕБНИК ДЛЯ IX КЛАССА
СРЕДНЕЙ ШКОЛЫ

ИЗДАНИЕ ДВАДЦАТОЕ

*Утверждён
Министерством просвещения
РСФСР*

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
УЧЕБНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР
Москва · 1961

Учебник переработан в соответствии с программой по русской литературе 1955 г., утверждённой Министерством просвещения РСФСР.

А. А. Зерчаниновым написаны главы: «И. А. Гончаров», «А. Н. Островский», «Семидесятые годы», «Л. Н. Толстой», «А. П. Чехов», «Мировое значение русской классической литературы».

Д. Я. Райхиным написаны главы: «Шестидесятые годы», «Н. Г. Чернышевский», «Н. А. Некрасов», «М. Е. Салтыков-Щедрин».

Глава «И. С. Тургенев», написанная покойным *В. И. Стражевым*, переработана *Д. Я. Райхиным*.

Все даты, кроме смерти Н. А. Некрасова, даны по старому стилю.

Александр Александрович Зерчанинов, Давид Яковлевич Райхин
Русская литература. Учебник для 9 класса средней школы

Редактор *И. Т. Трофимов*.
Технические редакторы *Н. Н. Махова* и *М. Д. Козловская*.
Корректоры *Т. Захарова* и *Е. Воблова*.

Подписано к печати с матриц 10/XI 1960 г. 60×92¹/₁₆. Печ. л. 21,5.
Уч.-изд. л. 24,35. Тираж 300 тыс. (300 001—600 000) экз. Заказ 548. Цена без
переплёта 3 р. 15 к. Переплёт бум. 75 к., коленкор. 1 р. 50 к.
Учпедгиз. Москва, 3-й проезд Марьиной рощи, 41.

Типография издательства «Уральский рабочий»,
Свердловск, ул. имени Ленина, 49.

ШЕСТИДЕСЯТЫЕ ГОДЫ

Общий очерк
эпохи

Шестидесятые годы XIX в. — одна из самых ярких страниц в истории идейного и художественного развития нашей страны.

В эти годы во всей красоте и силе раскрылось творчество таких гениальных писателей, как Герцен, Л. Толстой, Тургенев, Некрасов, Салтыков-Щедрин, Островский, таких гигантов критической мысли, как Чернышевский, Добролюбов, Писарев, таких великих художников, как Репин, Крамской, Перов, таких замечательных композиторов, как Мусоргский, Бородин, Балакирев, Даргомыжский и др.

В 60-е годы Россия вступила во второй период освободительного движения. На смену узкому кругу дворянских революционеров предшествующей эпохи шли новые деятели. «Шире стал круг борцов, ближе их связь с народом», — писал о них В. И. Ленин.

Этими борцами были те, кого называли разночинцами. Выходцы из рядов крестьянства, духовенства, мелкого чиновничества, обедневшего дворянства, они проходили суровую жизненную школу труда и лишений, которая закаляла их.

Разночинцы жадно тянулись к знаниям и, овладев ими, став учителями, врачами, инженерами, учёными, писателями, критиками, несли свои знания в народ, всеми силами стремились служить ему.

Наиболее самоотверженная часть разночинцев становилась на путь революционной борьбы с самодержавием и господствующими классами царской России. «Падение крепостного права, — указывал В. И. Ленин, — вызвало появление разночинца, как главного, массового деятеля и освободительного движения вообще и демократической, бесцензурной печати в частности».

Начало эпохи 60-х годов Герцен назвал «утренней зарёй», которая «привела к слову немую боль... высказала наши стремления». Эту «немую боль» усилила и обнажила закончившаяся в 1855 г. поражением самодержавия Крымская война, которая, по словам В. И. Ленина, «показала гнилость и бессилие крепостной России».

«Крымская война, — писал критик-демократ В. В. Стасов, — отвалила плиту от гробницы, где лежала заживо похороненная Россия».

Чудовищная эксплуатация народа и поражение самодержавия в Крымской войне вызвали стремительный рост числа крестьянских восстаний, которые К. Маркс называл «одним из самых великих событий в мире».

Передовая литература звала к освобождению народа от крепостного рабства. Этой цели по-своему служили и «Севастопольские рассказы» Л. Н. Толстого, показавшие всему миру мужество и духовную красоту русского народа, и стихи и поэмы Некрасова, в которых звучали боль и гнев закрепощённого крестьянства, и сатирические очерки Салтыкова-Шедрина, и статьи Чернышевского, звавшие к борьбе с угнетателями, и страстная революционная проповедь Герцена, звучавшая со страниц его заграничных изданий — «Полярной звезды» и «Колокола».

Все лучшие люди России понимали, что по-старому жить нельзя. Новые, свежие силы, появившиеся в обществе, пробивали себе дорогу не только в литературе, в которую, по словам Шедрина, «вторгся разночинный элемент», но и во всех областях русской культуры — в науке, журналистике, живописи, музыке, театре.

Крупнейших успехов добилась в 60-е годы русская наука, в особенности естествознание. Мировую известность приобрели, например, работы профессора-физиолога И. М. Сеченова. Врачи С. П. Боткин и Н. И. Пирогов своими замечательными работами сказали новое слово в медицине. Неизгладимый след в истории науки оставили труды великих учёных: химиков Н. Н. Зинина и А. М. Бутлерова, математика П. Л. Чебышева, исследователей-путешественников Н. М. Пржевальского и Н. Н. Миклухо-Маклая.

В 60-е годы стали появляться первые женщины-врачи и учёные: дочь крестьянина Н. П. Суслова, печатавшаяся в «Современнике»; М. А. Бокова — доктор медицины Гейдельбергского университета (Германия), переведшая на русский язык книгу Брема «Жизнь животных»; С. В. Ковалевская — знаменитый математик, профессор Стокгольмского университета¹ и др.

В 60-е годы определился интерес к естественным наукам у таких выдающихся учёных, как прославившиеся впоследствии Д. И. Менделеев, И. И. Мечников, К. А. Тимирязев, И. П. Павлов.

Распространению интереса к естественнонаучным знаниям в широких кругах общества способствовала пламенная проповедь Д. И. Писарева, энтузиаста естественных наук. Этот глубокий интерес к естественным наукам проявился и в том, что сыгравший революционную роль в науке труд Чарлза Дарвина «Происхождение видов путём естественного отбора» (он был впервые опубликован в Англии в 1859 г.), уже в 1860 г. был издан в России. Русский язык, таким образом, оказался первым иностранным языком, на который была переведена эта гениальная работа Дарвина.

¹ В России С. В. Ковалевская кафедры получить не смогла, ей было разрешено преподавать только в начальной школе и быть домашней учительницей.

У представителей демократической интеллигенции 60-х годов вырабатывалось передовое, материалистическое мировоззрение. Оно крепло и развивалось под влиянием работ Чернышевского, Добролюбова и Писарева.

Сильнейшее влияние на формирование у читателей правильных взглядов на сущность искусства, его роль и место в общественной жизни оказала, в частности, диссертация Н. Г. Чернышевского «Эстетические отношения искусства к действительности»¹.

Огромное влияние приобрела передовая журналистика («Современник», «Русское слово», «Искра»); герценовский «Колокол» звал на борьбу всё молодое и честное, что было в России. Демократическая журналистика несла, по словам поэта-революционера В. С. Курочкина, «общее, близкое всем знамя. Она несла его грозно и честно и этим создала себе высокое значение и необыкновенную силу в обществе».

Под знаменем передовой идейности и жизненной правды развивались в 60-е годы живопись, музыка и театр. Гениальные русские художники, композиторы, актёры своим творчеством, кровно связанным с думами и чаяниями народа, учили мыслить, чувствовать, любить народ и ненавидеть его угнетателей.

К эпохе 60-х годов полностью приложимы проникновенные слова А. М. Горького: «В области искусства, в творчестве сердца русский народ обнаружил изумительную силу, создав при наличии ужаснейших условий прекрасную литературу, удивительную живопись и оригинальную музыку, которой восхищается весь мир. Замкнуты были уста народа, связаны крылья души, но сердце его родило десятки великих художников слова, звуков, красок».

Борьба вокруг
крестьянского
вопроса

В 60-е годы стало ясно, что крепостное право — «узел всех зол». Это понимали даже те, кто был далёк от революции. Так, Л. Н. Толстой писал в 1856 г. одному из своих знакомых: «Нужно спасти всё здание от пожара, который с минуты на минуту обнимет его... Ежели в 6 месяцев крестьяне не будут освобождены, — пожар».

Но не было и не могло быть единодушия в вопросе о том, на каких условиях должно произойти освобождение крестьян от крепостного ига. Вождь крестьянской демократии Чернышевский, отстаивая интересы народа, проводил «через препону и рогатки цензуры — идею крестьянской революции, идею борьбы масс за свержение всех старых властей» (В. И. Ленин).

«Вся земля мужицкая и выкупа никакого, убирайся, помещики, пока целы», — так говорит Волгин, герой романа Чернышевского «Пролог», и такова была программа самого автора.

Революционным демократам противостояли консерваторы и либералы, которые «так же, как и крепостники, стояли на почве

¹ Диссертация — научный труд, представляемый на соискание учёной степени.

признания собственности и власти помещиков, осуждая с негодованием всякие революционные мысли об уничтожении этой собственности, о полном свержении этой власти» (В. И. Ленин, Сочинения, т. 17, стр. 96).

В 1861 г. царское правительство, ослабленное военным поражением во время Крымской кампании и запуганное крестьянскими «бунтами» против помещиков, оказалось вынужденным отменить крепостное право. «Крестьян,— писал Ленин,— «освобождали» в России сами помещики, помещичье правительство самодержавного царя и его чиновники. И эти «освободители» так повели дело, что крестьяне вышли на «свободу» ободранные до нищеты, вышли из рабства у помещиков в кабалу к тем же помещикам и их ставленникам» (В. И. Ленин, Сочинения, т. 17, стр. 65).

С гениальной дальновидностью Чернышевский понял грабительский характер реформы и назвал её «мерзостью». «Освобождение — обман», — гневно писал Герцен. На «освобождение», которое, по словам Ленина, «было бессовестнейшим грабежом крестьян, было рядом насилий и сплошным надругательством над ними», обманутое крестьянство ответило восстаниями, охватившими всю Европейскую Россию. Только в 1861 г. царское правительство в 499 случаях прибегло для усмирения крестьян к вооружённой силе. Так, в селе Бездна Казанской губернии было убито при усмирении около ста крестьян, а их вожак Антон Петров расстрелян.

Насколько накалена была обстановка в стране, видно из того, что в течение 1861—1862 гг. произошло около полутора тысяч крестьянских восстаний, значительно больше, чем за тридцатилетнее мрачное царствование Николая I; в университетах не прекращались студенческие волнения; появился ряд революционных прокламаций («К молодому поколению», «К солдатам», «Молодая Россия», «Великорус» и др.), в которых народные массы призывались к беспощадной борьбе с самодержавием и дворянством. Так, в прокламации «К молодому поколению», написанной друзьями Чернышевского Н. Шелгуновым и М. Михайловым, говорилось: «Если для осуществления наших стремлений, для раздела земли между народом пришлось бы вырезать сто тысяч помещиков, мы не испугались бы этого».

К концу семилетия после падения Севастополя (1859—1861 гг.) в стране создаётся обстановка революционного подъёма. Революционный подъём этих лет сменился затем жесточайшей правительственной реакцией. В 1862 г. были арестованы Чернышевский и Писарев, приостановлено издание «Современника» и «Русского слова», неслыханно усилился цензурный гнёт. В тюрьмы были брошены сотни борцов за освобождение народа, правительство штыками, пулями и виселицами подавило крестьянские восстания и восстание в Польше. Реакция торжествовала победу. Но торжество это не было прочным. Душевные силы борцов за

народное счастье не были сломлены. Об этом прекрасно сказал в стихотворении, ставшем впоследствии революционной песнью, друг Чернышевского М. Л. Михайлов, погибший в сибирской каторге:

Смело, друзья! Не теряйте
Бодрость в неравном бою,
Родину-мать защищайте,
Честь и свободу свою!

Час обновления настанет —
Воли добьётся народ,
Добрым нас словом помянет,
К нам на могилу придёт.

.

Революционная волна вновь высоко взметнулась в 70-е годы.

А. И. ГЕРЦЕН

(1812—1870)

В общественно-политической и литературной жизни 50—60-х годов виднейшее место принадлежало А. И. Герцену, сыгравшему, как указывал В. И. Ленин, «великую роль в подготовке русской революции».

Основные факты
общественно-
политической
и литературной
деятельности
А. И. Герцена

Александр Иванович Герцен родился 25 марта (6 апреля) 1812 г. в Москве, в семье богатого и родовитого дворянина Ивана Алексеевича Яковлева. Брак родителей Герцена не был оформлен, и мальчик считался «приёмышем», «воспитанником» Яковлева, придумавшего сыну фамилию Герцен (от немецкого слова Herz — *сердце*).

Яковлев по-своему любил сына, но воспитанием его почти не занимался, и одарённый замечательными способностями мальчик развивался свободно, жадно поглощая книги из отцовской библиотеки, пылливо наблюдая окружавшую его жизнь.

Рассказы о пожаре Москвы, о Бородинском сражении были, по словам Герцена, его «колыбельной песнью», учили его любить народ и родину.

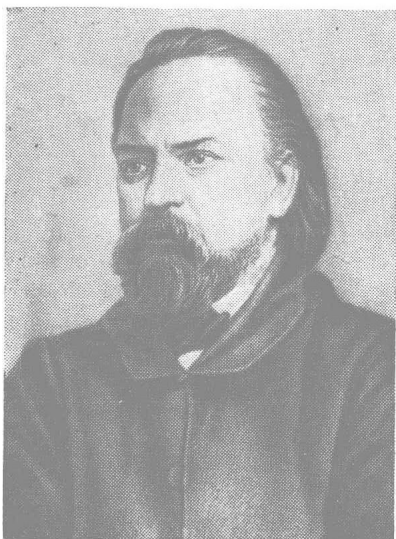
Большое влияние на Герцена оказали его учителя: француз Бушо, участник революции 1789 г., и студент Протопопов, познакомивший мальчика с запрещёнными вольнолюбивыми стихами Рыльева и Пушкина.

Неизгладимый след в сознании юного Герцена оставило восстание декабристов: ему открылся «новый мир». «Казнь Пестеля и его товарищей окончательно разбудила ребяческий сон моей души», — писал позднее Герцен.

Огромное значение в жизни Герцена имела его дружба с Николаем Огарёвым. Они познакомились детьми и стали друзьями и единомышленниками на всю жизнь. Оба благоговели перед памятью декабристов, мечтали стать продолжателями их дела, оба поклялись все свои силы и жизнь отдать борьбе с самодержав-

вием и крепостничеством и этой клятве были верны до конца своих дней.

Осенью 1829 г. Герцен стал студентом Московского университета, и здесь ещё более окрепла его ненависть к произволу и угнетению. В 1833 г. Герцен с серебряной медалью окончил университет, а спустя год, по лживому доносу, он вместе с Огарёвым и несколькими ближайшими друзьями был арестован и, признанный «смелым вольнодумцем, весьма опасным для общества», выслан из Москвы. Ссылка длилась около пяти лет.

Александр Иванович Герцен.

В годы ссылки Герцен вплотную столкнулся с дикой и подлой чиновничьей средой, с жизнью порабождённого народа. В ссылке он духовно возмужал и закалился, написал многие свои произведения.

В 1840 г. Герцен получил возможность вернуться в Петербург. Здесь он сблизился с Белинским, начал сотрудничать в «Отечественных записках», но вскоре по ничтожному поводу был выслан в Новгород.

Только в 1842 г. ему удалось «добиться до свободы»: он добился разрешения уехать в Москву.

Годы московской жизни (1842—1847) были важным и плодотворным этапом его духовного роста и литературной

деятельности. «В крепостной России 40-х годов XIX века,— писал В. И. Ленин о Герцене,— он сумел подняться на такую высоту, что встал в уровень с величайшими мыслителями своего времени». В эти московские годы Герцен написал несколько больших философских работ, повести «Сорока-воровка», «Доктор Крупов» и роман «Кто виноват?»

Герцен, писатель и мыслитель (его псевдоним — *Искандер*), приобрёл широкую и громкую известность. Вместе с Белинским он встал во главе передовой части русского общества, учил думать и жить.

Но одна литературно-публицистическая деятельность, протекавшая к тому же в условиях безжалостной цензуры, сопровождавшаяся арестами, ссылками, постоянным полицейским надзором, не могла удовлетворить Герцена, рвавшегося к открытой политической борьбе, и в начале 1847 г. он (с семьёй) уехал за границу.

Писатель оказался в Западной Европе в тот момент, когда высоко поднялась волна революционного движения во Франции, Италии, Венгрии. Герцен стал активным участником этого движения.

Правительство Николая I, узнав о революционной деятельности Герцена, потребовало его возвращения в Россию, где он мог ожидать только тюрьмы или Сибири. «На глухое мученичество, на бесплодное молчание, на повиновение» Герцен идти не хотел. Он жаждал борьбы, хотел «развязать себе руки и слово для действия, для примера», стремился «разбудить дремлющее сознание народа». «Я здесь полезнее, я — бесцензурная речь *ваша*, *ваш* свободный орган, *ваш* случайный представитель», — писал он московским друзьям.

Герцен отказался вернуться в Россию — обрёл себя на изгнание. Он уехал в Швейцарию, где приписался с семьёй к крестьянскому обществу небольшой деревушки Шатель. В России убавилось одним дворянином, в Швейцарии прибавилось одним крестьянином.

В эти годы Герцен переживал мучительный идейный кризис. Он видел жестокую расправу буржуазных правительств с обманутыми народными массами, «отвратительное торжество» победителей, пережил разгром революционных надежд. Он понимал, что без новой революции нет дороги к народному счастью, но не видел силы, способной возглавить борьбу. А рабочий класс в то время не был ещё такой силой в России.

«Духовная драма Герцена, — отмечал В. И. Ленин, — была порождением и отражением той всемирно-исторической эпохи, когда революционность буржуазной демократии *уже* умирала (в Европе), а революционность социалистического пролетариата *еще* не созрела».

Но и в годы духовного кризиса Герцена не покидала вера в великое будущее России. Позднее он выступил как идеолог «кре-

Обложка «Полярной звезды». На рисунке силуэты пяти казнённых декабристов.

стьянского» утопического социализма, считал, что Россия после уничтожения крепостного права, минуя капиталистический путь развития, через развитие крестьянских общин, придёт к социализму. В крестьянской общине он ошибочно видел «ячейку социализма», в крестьянине — прирождённого социалиста, «человека будущего».

Несмотря на свою ошибочность, теория «крестьянского социализма», «права на землю» отражала, как указывал В. И. Ленин, революционные стремления к равенству со стороны крестьян, борющихся за полное свержение помещичьей власти, за полное уничтожение помещичьего землевладения».

Летом 1852 г. Герцен приехал в Лондон и здесь остался на долгие годы, ставшие вершиной его революционно-литературной деятельности. В Лондоне он основал русскую вольную типографию, и его свободное слово зазвучало с полной силой.

«Полярная
звезда»

С 1855 г. Герцен начал издавать «Полярную звезду» — журнал, названием и обложкой которого, изображавшей профили пяти казнённых декабристов, он подчёркивал свою связь с дворянскими революционерами первой четверти XIX в. В «Полярной звезде» печатались статьи Герцена и отрывки из его «Былого и дум», такие запрещённые царской цензурой произведения, как «Письмо Белинского Гоголю», «Вольность» и «Деревня» Пушкина, стихи Рылеева, «На смерть поэта» Лермонтова, вольнолюбивые произведения Огарёва, к тому времени приехавшего в Лондон.

Тайными путями «Полярная звезда» проникла в Россию, и материалы журнала жадно читались передовыми русскими людьми, переписывались ими от руки, передавались из уст в уста, вызывали страх у реакционеров. Вскоре Герцен имел право заявить: «Труд наш не был напрасен. Наша речь, свободное русское слово раздаётся в России, будит одних, страшит других, грозит гласностью третьим».

«Колокол»

Однако «Полярная звезда» выходила редко — не чаще одного раза в год. «Между тем,— писал Герцен,— события в России несутся быстро, их надо ловить на лету, обслуживать тотчас». Стремясь удовлетворить новые потребности русского общества, Герцен с 1 июля 1857 г. начал издание газеты «Колокол», сначала выходившей раз в месяц, затем — два раза в месяц, а в иные годы — еженедельно.

«Колокол» приобрёл огромное влияние, сыграв исключительную роль в революционной истории России. Герцену пересылалось со всех концов страны множество различных материалов, разоблачавших язвы и уродства русской жизни. «Мы — крик русского народа, битого полицией, засекаемого помещиками», — так сам Герцен определял значение «Колокола». «Колокол», по словам В. И. Ленина, «встал горой за освобождение крестьян»; его читали повсюду, от царского дворца до глухих уголков провинции, одни со страхом и ненавистью, другие с радостью и востор-

VIVOS VOCA!

J. T. Thompson & Co. are sole agents for the
"The International Bow, as y. Thompson & Co.,
3, Macleod Street, Gerald Street, Soho,
London, W. Price sixpence.

11

В последние годы своей жизни, после прекращения издания «Колокола», Герцен почти не имел возможности обращаться к русскому читателю, но сила и зоркость его революционной мысли не ослабевали.

В написанных незадолго до смерти «Письмах к старому товарищу» он с надеждой и радостью писал о «международных рабочих съездах» (т. е. о конгрессах Первого Интернационала), отмечал «серьезный характер» этой «боевой организации», утверждал, что «работники» (рабочий класс) «составят первую сеть и первый всход будущего экономического устройства». Так, в конце своей жизни Герцен «обратил свои взоры... к Интернационалу, к тому *Интернационалу*, которым руководил Маркс» (В. И. Ленин).

Осенью 1869 г. Герцен поселился в Париже: он предчувствовал скорый взлёт революционной волны во Франции. И эти предчувствия не обманули его: разразившиеся вскоре события привели к возникновению Парижской коммуны. Но дожить до этого первого опыта пролетарской диктатуры Герцену не довелось: заболев воспалением лёгких, он скончался 21 января 1870 г.

Похоронен Герцен в Ницце. На его могиле поставлен памятник, изображающий Герцена во весь рост: в глубоком раздумье, со скрещёнными на груди руками, он стоит, обращённый лицом к России, полный веры в её светлое будущее.

«Былое и думы» Крупнейшим художественным произведением Герцена зарубежного периода его жизни были «Былое и думы» — лучшее, что создал он как писатель. Этот «вечерний труд» создавался в то время, когда «чужой мир», «чужое племя» окружали Герцена и ему хотелось мысленным взором охватить пережитое, подвести итоги, рассказать о своём времени и своей жизни, до конца отданной борьбе с самодержавием и крепостничеством. И вот заструился поток его воспоминаний. В своей «исповеди» он развернул огромную историческую панораму, с великолепным мастерством нарисовал образы людей, с которыми дружил и враждовал, и в центре поставил себя — *русского революционера*, главного героя «Былого и дум». Он раскрывал свою жизнь, личную и общественную, с «мужественной и безыскусственной правдой», как сказал Тургенев. Духовная драма Герцена — основное ядро произведения, в котором, по словам самого писателя, дано «отражение истории в человеке».

«Былое и думы» создавались в течение 16 лет (1852—1868), в пору наивысшей творческой зрелости художника, и отличаются изумительным богатством содержания. Это энциклопедия русской и западноевропейской жизни 30—60-х годов XIX в.

Домашний быт и исторические события огромного масштаба, характеристики и портреты людей нескольких поколений: писателей, учёных, художников, артистов, политических и государственных деятелей России и Запада возникают перед читателем.

Личная жизнь писателя, шутивно рассказанные эпизоды и сцены потрясающего драматизма — всё это органически сплетается с взволнованной авторской исповедью, горькими раздумьями, искрится острым юмором, сверкает беспощадной насмешкой, едкой иронией, пронизано то глубочайшей тоской, то мягкой грустью, овеяно пламенной верой в будущее, ненавистью и любовью борца.

«Всё это,— писал о «Былом и думах» Тургенев,— написано слезами, кровью: это горит и жжёт... Так писать умел он один из русских».

«Былое и думы» — мемуары, своеобразный лирико-философский роман, по широте охвата жизни, по полноте, разнообразию и яркости изображённых явлений не имеющий себе равных во всей мировой литературе.

Особенно поразительна портретная галерея, созданная Герценом. Образы Белинского и Чаадаева, Грановского и Щепкина, Огарёва и Станкевича, итальянского революционера Д. Гарибальди и английского социалиста-утописта Р. Оуэна, как и десятков других лиц, нарисованы писателем с необыкновенным мастерством и жизненной правдой.

Герцен был великолепным мастером литературного портрета, и недаром Тургенев, отмечая эту черту таланта Герцена, писал: «В характеристике людей, с которыми он сталкивался, у него нет соперников».

Вот яркая характеристика В. Г. Белинского:

«В этом застенчивом человеке, в этом хилом теле обитала мощная, гладиаторская натура; да, это был сильный боец! Он не умел проповедовать, поучать, ему надобен был спор. Без возражений, без раздражения он не хорошо говорил, но когда он чувствовал себя уязвлённым, когда касались до его дорогих убеждений, когда у него начинали дрожать мышцы щёк и голос прерываться, тут надобно было его видеть: он бросался на противника барсом, он рвал его на части, делал его смешным, делал его жалким и по дороге с необычайной силой, с необычайной поэзией развивал свою мысль. Спор оканчивался очень часто кровью, которая у больного лилась из горла. Бледный, задыхающийся, с глазами, остановленными на том, с кем говорил, он дрожащей рукой поднимал платок ко рту и останавливался, глубоко огорчённый, уничтоженный своей физической слабостью. Как я любил и как жалел я его в эти минуты!..

...Лишения и страдания скоро совсем подточили болезненный организм Белинского. Лицо его, особенно мышцы около губ его, печально остановившийся взор равно говорили о сильной работе духа и о быстром разложении тела.

В последний раз я видел его в Париже осенью 1847 года: он был очень плох, боялся громко говорить, и лишь минутами воскресала прежняя энергия и ярко светилась своим догорающим огнём. В такую минуту написал он своё письмо к Гоголю».

Вот портрет «будочника», шефа жандармов Дубельта:

«Лицо оригинальное, он, наверное, умнее всего Третьего и всех трёх отделений собственной канцелярии. Исхудалое лицо его, оттенённое длинными светлыми усами, усталый взгляд, особенно рытвины на щеках и на лбу ясно свидетельствовали, что много страстей боролось в этой груди, прежде чем голубой мундир победил или, лучше, накрыл всё, что там было. Черты его имели что-то *волчье* и даже *лисье*, то есть выражали тонкую смыслённость хищных зверей, вместе уклончивость и заносчивость. Он был всегда уচিতв».

Не менее выразителен портрет «будочника будочников» Николая I:

«Я знаю этот взгляд и ни одного не знаю страшнее, безнадёжнее этого серо-бесцветного, холодного, оловянного взгляда».

Взгляд Николая I — это взгляд *«гремучей змеи»*; это *«вечно остриженная... медуза с усами»*. «Он был красив, но красота его обладала холодом; нет лица, которое бы так беспощадно обличало характер человека, как его лицо. Лоб, быстро бегущий назад; нижняя челюсть, развитая за счёт черепа, выражали непреклонную волю и слабую мысль, больше жестокости, нежели чувственности. Но главное — глаза, без всякой теплоты, без всякого милосердия, *зимние* глаза».

Герцен был оригинальнейшим и замечательнейшим стилистом. Стилъ его произведений поражает выразительностью, яркостью, разнообразием. Он умел находить неожиданные словесные формулы, сравнения, эпитеты, создавать запоминающиеся афоризмы и каламбуры, шутки и пародии (*серьёзное* облако; *холостая* религия; *зимние* глаза; *раб при всех храбростях* своих и т. д.). Герцен смело соединял в одной фразе слова разговорной бытовой речи со словами, выражающими самые отвлечённые научно-философские понятия. Он создавал эпиграммы в прозе и фразы, блестящие юмором и неожиданными, яркими сопоставлениями: «Новгород... это большая казарма, набитая солдатами, и маленькая канцелярия, набитая чиновниками».

Полицейских Герцен делит на «явнобрачных» и «тайнобрачных», т. е. принадлежащих к тайной полиции.

Герцен — мастер метких характеристик: Николай I — *высочайший фельдфебель, деспотических дел мастер, будочник будочников, тяжёлый тиран в ботфортах*.

Описания Герцена лиричны. Особую прелесть составляет задушевность тона рассказчика. Лиризмом окрашены описания природы, воспоминания автора о безвозвратно ушедшей юности, о любви и т. д.

Язык его произведений, особенно «Былого и дум», заслужил высокую оценку крупнейших русских писателей. Тургенев, восхищавшийся многокрасочным языком Герцена, говорил: «Язык его, до безумия неправильный, приводит меня в восторг: живое тело». Герцену Тургенев писал: «Язык твой лёгок, быстр, светел».

Л. Н. Толстой, говоря об «удивительном языке» Пушкина, заметил: «Герцен не уступит Пушкину... Где хотите откройте, везде превосходно». По словам Горького, язык Герцена «исключителен по красоте и блеску».

Произведения Герцена десятки лет находились под запретом. Полное собрание его сочинений и писем вышло только после Великой Октябрьской социалистической революции. Но ещё задолго до неё (в 1888 г.) Л. Н. Толстой, оценивая значение творчества Герцена, писал: «Что за удивительный писатель! Наша жизнь русская за последние двадцать лет была бы не та, если бы этот писатель не был скрыт от молодого поколения».

ЛИТЕРАТУРНАЯ БОРЬБА

Резкого обострения достигла в 60-е годы литературная борьба, которая развернулась между крестьянскими демократами во главе с Чернышевским, с одной стороны, и либеральными и консервативными писателями — с другой.

Ареной этой борьбы стал, в частности, журнал «Современник».

«Современник» Журнал «Современник» был создан Пушкиным и начал выходить в 1836 г., за год до его смерти. Один год журнал издавался группой близких поэту людей; в 1838 г. его редактором стал профессор П. А. Плетнёв, ректор Петербургского университета. Журнал стоял вне литературных группировок, был бледным и незаметным.

В 1847 году журнал взяли в аренду Пачаев и Некрасов, которые сумели сгруппировать вокруг него все лучшие литературные силы того времени: критический отдел вёл Белинский, в журнале сотрудничали Герцен, Огарёв, Тургенев, Григорович, Достоевский, Л. Толстой, Фет и др.

Однако смерть Белинского и разгул реакции, начавшийся в связи с ростом революционного движения на Западе (в 1848 г.) и в России, снизили общественный уровень журнала.

Но приближалось новое время, слышнее зазвучал голос «новых людей» — революционных демократов, и скоро два их гениальных представителя, Чернышевский и Добролюбов, вошли в редакцию «Современника» и сделали журнал революционной трибуной, орудием борьбы за свержение всех старых властей. Успех журнала возрастал с каждой новой его книжкой. «Журнал наш идёт отлично... Думаю, что много в этом «Современник» обязан Чернышевскому», — писал Некрасов.

**Раскол
в редакции
«Современника»**

В то же время среди сотрудников журнала наметились непримиримые разногласия. Писателям-дворянам — Тургеневу, Гончарову, Толстому, Григоровичу, Дружинину, — сторонникам медленных и постепенных реформ, был чужд «мужицкий демократизм» Чернышевского и Добролюбова, сторонников крестьянской революции. Это обострение разногласий отражало резкое размежевание классовых сил, которое наметилось в обществе накануне «освобождения». Чернышевский в ряде статей доказывал классовый характер подготовлявшейся реформы, защищал интересы трудящегося крестьянства; то же делал и Добролюбов.

Сотрудники «Современника» (50-е годы). Нижний ряд: Некрасов, Григорович, Панаев. Верхний ряд: Тургенев, Соллогуб, Толстой.

Чем ближе подвигалось время к крестьянской реформе, тем очевиднее становилась невозможность сотрудничества в одном журнале взаимно чуждых по взглядам людей: Тургенева, которого, по словам Ленина, «тянуло к умеренной монархической конституции», и Чернышевского с Добролюбовым, звавших Русь «к топору».

Раскол в редакции «Современника» становился неизбежным. Последним поводом к нему послужила написанная Добролюбовым в 1860 г. статья «Когда же придёт настоящий день?» (о романе Тургенева «Накануне»). В этой статье Добролюбов предсказывал скорое появление русских Инсаровых, которые будут бороться за освобождение России, против всех угнетателей народа. Со статьёй Добролюбова Тургенев познакомился до её появления в печати и потребовал от Некрасова не печатать этой статьи. Некрасову он предъявил ультиматум: «Выбирай — я или Добролюбов». Некрасов был поставлен в крайне тяжёлое положение: с Тургеневым его связывала почти двадцатилетняя дружба, кроме того, с уходом Тургенева из журнала «Современник» лишался талантливейшего писателя. Однако идейные соображения взяли верх.

Чернышевский и Добролюбов были для Некрасова идейными и нравственными учителями. Поэт «мести и печали» решительно принял сторону Добролюбова. Статья его, хотя и с большими